

Жили-были козелъ да козлиха, былъ у нихъ свой домъ, хозяйство и всякаго добра много. Жили дружно, свито и весело. Было у нихъ семь дѣточекъ—козляточекъ: шесть здоровыхъ, крѣпкихъ, а седьмой похилѣе другихъ и кривой—однимъ глазомъ только глядѣлъ—зато онъ былъ всѣхъ хитрѣе, всѣхъ шустрѣе. Умеръ козелъ, а козлиха одна съ дѣтьми осталась. Стала она горе горевать, какъ ей пищу добывать: нужно въ лѣсѣ идти за кормомъ, а дѣтей страшно однихъ оставить. Однако дѣлать нечего, собралась коза уходить, начала козляточекъ учить да уговаривать, чтобы безъ нея не баловались, а главное, чтобы дверь хорошенько заперли и никому чужому не отпирали, никого къ себѣ не впускали. Ушла коза въ лѣсѣ, весь день проходила корму насбирала, къ вечеру домой пришла, у дверей встала и заплѣла:

«Козлики-козляточки,
Голубчики-голубяточки,
Ваша мать къ вамъ пришла,

Молока, творога вамъ принесла.
Набиты рога творогомъ,
Налиты бока молокомъ».

Козляточки узнали ея голосъ и открыли дверь.

На другой день опять козлиха пошла въ лѣсѣ; уходя, снова наказала дѣтямъ запереться и не впускать никого. А медвѣдь подслушалъ, какъ козлиха у дверей плѣла, и заплѣлъ своимъ грубымъ голосомъ:

«Козлики-козляточки,
Голубчики-голубяточки,
Ваша мать къ вамъ пришла,

Молока, творога вамъ принесла.
Набиты рога творогомъ,
Налиты бока молокомъ,

отворите-ка дверь, пришла ваша мать». Козлятки повѣрили, побѣжали дверь отворять; да во-время ихъ кривой удержалъ. «Или вы, глупые, не смѣсите, что это не нашей матери голосъ? У нашей матери голосъ тонкій, а этотъ вонъ какой грубый. Это медвѣдь насъ обманываетъ, онъ съѣстъ насъ хочетъ». Не стали отпирать козлятки, послушались кривого.

На другой день, когда мать опять ушла въ лѣсѣ, пришелъ медвѣдь и тонкимъ голосомъ заплѣлъ:

«Козлики-козляточки,
Голубчики-голубяточки,
Ваша мать къ вамъ пришла,

Молока, творога вамъ принесла.
Набиты рога творогомъ,
Налиты бока молокомъ».

Козлята опять обрадовались, повѣрили, что это ихъ мать, побѣжали дверь отпирать. А кривой кричитъ братьямъ: «Что вы, глупые, дѣлаете? Вѣдь это медвѣдь насъ обманываетъ. Давно ли наша мать ушла—рано ей домой возвращаться». А медвѣдь опять заплѣлъ пѣсню. Тогда не стали шесть козлятъ слушаться одного и открыли дверь. Кривой видитъ, что дѣло плохо, юркнулъ подъ печку. Медвѣдь вошелъ, всѣхъ шестерыхъ козлятокъ въ охапку захватилъ, седьмого не могъ изъ-подъ печки достать, но почувалъ, что еще одинъ остался. «Постой,—говоритъ,—я и тебя добуду; дай только этихъ припрячу». Вышелъ медвѣдь съ козлятами и потащилъ ихъ къ себѣ въ берлогу; а кривой козленокъ изъ-подъ печки вылезъ и подалъ за медвѣдемъ вслѣдъ все шелъ, узналъ, гдѣ у медвѣдя берлога, и потомъ поскорѣе домой побѣжалъ.

Тѣмъ временемъ козлиха возвратилась; видитъ—дверь открыта, изба пустая; догадалась, что случилось, и залилась слезами. Прибѣжалъ домой кривой козленокъ: «Не плачь,—говоритъ онъ матери,—нельзя на это время терять, сейчасъ медвѣдь назадъ общалъ придти, давай лучше яму копать будемъ». Стала мать копытами рыть яму, а сынокъ землю убирать, чтобы медвѣдь не замѣтилъ западни; и потомъ хворостомъ перекинули, сухимъ листомъ засыпали, сами спрятались за деревья. Пришелъ медвѣдь и бухъ въ яму. А козленокъ зналъ, гдѣ медвѣжья берлога, и повелъ туда мать. Побѣжала она во весь духъ. Пока медвѣдь изъ ямы выкарабкивался, козлиха всѣхъ своихъ дѣтокъ домой перетаскала, и стали они всѣ жить-поживать, добра наживать. Послѣ этого козлятки ужъ всегда слушались матери и умнаго брата.

